

ДЖЕЙН ШЕМИЛТ

ДЖЕЙН ШЕМИЛТ

ДОЧЬ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Ш46

Серия «Психологический триллер»

Jane Shemilt
DAUGHTER

Перевод с английского *Л.Г. Мордуховича*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*,
студия «FOLD&SPINE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Judith Murdoch Literary Agency Limited и David Luxton
Associates Ltd.

Шемилт, Джейн.

Ш46 Дочь : [роман] / Джейн Шемилт ; [пер. с англ.
Л.Г. Мордуховича]. — Москва : Издательство
АСТ, 2019. — 352 с. — (Психологический трил-
лер).

ISBN 978-5-17-116211-5

Дженни — семейный доктор, мать троих детей,
жена успешного нейрохирурга.

Ее жизнь идеальна. Но все рушится, когда ее пят-
надцатилетняя дочь Наоми не возвращается домой...

Проходит год. Поиски не приносят результата. Се-
мья распадается.

И все-таки Дженни не прекращает попыток найти
Наоми. Чем дальше она продвигается в поисках, тем
отчетливее понимает, что многого не знала ни о доче-
ри, ни о сыновьях, ни о муже.

А так ли нужна ей правда? Ведь порой она бывает
такова, что пережить ее труднее, чем мучительную не-
известность...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Jane Shemilt, 2014
© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2016
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2019

ISBN 978-5-17-116211-5

Часть первая

Глава 1

Дорсет, 2010

Год спустя

С наступлением ноября дни становятся короче. В саду на усыпанной яблоками траве деловито копошатся вороны. Возвращаясь от поленницы с охапкой дров, я наступаю на мягкий шарик. Он лопается, превращаясь в вязкую массу, прилипающую к подошве.

Мне зябко, но ей, наверное, сейчас еще холоднее. Так почему я должна наслаждаться комфортом? Какое у меня право?

Близится вечер, в комнате темнеет. Я разжигаю камин, подсаживаюсь ближе к огню. В голове разгорается привычный незатухающий костер, в котором трещат и плавятся возгласы сожаления.

Ах если бы... Ах если бы я чуть внимательнее присматривалась к детям, прислушивалась к их разговорам, наблюдала и делала правильные выводы... Если бы можно было вернуться на год назад и начать все сначала...

Я бросаю взгляд на стол, где лежит подаренный Майклом альбом для рисования в кожаном переплете, и нащупываю в кармане халата огрызок красного карандаша. Он говорил, что рисовать картинки из прошлого полезно, это отвлекает. А сами картинки уже готовы

в моем сознании. Скальпель в дрожащей руке, кружащаяся балерина в музыкальной шкатулке, аккуратно сложенные на прикроватном столике листы с записями.

На первой чистой странице я пишу имя дочери. Наоми. А ниже набрасываю контуры лежащих на боку черных туфель на высоком каблучке с длинными ремешками.

Бристоль, 2009

Днем ранее

Держа в руке айпад, она покачивалась в такт музыке. На шее оранжевый шарфик. Школьные учебники свалены рядом на пол.

Я тихо закрыла за собой заднюю дверь и поставила на пол пухлую сумку. Там у меня и стетоскоп, и шприцы, и коробки с лекарствами, и разные бумаги. День сегодня выдался нелегкий. На прием записалась куча пациентов, да еще дважды пришлось выезжать на дом. И, конечно, много писанины.

Прислонившись спиной к кухонной двери, я наблюдала за дочкой, невольно вспомнив лежащую в постели Джейд, маленькую девочку с руками в синяках.

Теперь-то я понимаю, что мне тогда в глаза попали капельки острого мексиканского соуса чили. Если слон повредил ногу, то ему в глаз брызгают этим соусом, и он отвлекается, пока люди занимаются лечением. Тео рассказал мне однажды такую любопытную подробность. Где он это услышал, не знаю. Так вот, я тогда смотрела

и ничего не видела. Вы не подумайте, это довольно просто — не замечать чего-то очень важного.

Любуясь загадочной полуулыбкой Наоми — она в последнее время все чаще так улыбалась своим мыслям, — я представила, что рисую ее, стараясь как можно точнее передать округлость щек. Тени делаю слабые, чтобы подчеркнуть светящуюся белизну кожи.

Она пританцовывала, и в такт неслышной мне музыке ее белокурая челка подпрыгивала, мягко падая на лоб. А вдоль линии роста волос поблескивали капельки пота. Рукава ее школьного пуловера были подтянуты, и браслет с брелочками ритмично двигался вверх-вниз, почти соскальзывая с руки. Увидев его на ней, я обрадовалась, потому что считала браслет давно потерянным.

— Мам, ты здесь? — заметив наконец меня, Наоми сняла наушники. — Ну как, тебе нравится?

— Ты чудесно танцуешь.

Я подошла и быстро чмокнула дочку в румяную бархатистую щеку, вдохнув знакомый аромат лимонного мыла.

Резко отстранившись, она наклонилась, чтобы собрать книги.

— Да нет же, мама. — В ее тоне отчетливо проступали нотки раздражения. — Я говорю о туфлях. Ты что, не видишь?

Туфли были новые. Черные, с очень высокими каблуками и кожаными ремешками, туго оплетающими ее стройные ноги. Видеть такие туфли на дочке было странно. Ее обычная обувь — это кроссовки или лодочки из цветной кожи.

— Куда тебе такие каблуки? — Пытаясь смягчить тон, я неловко хохотнула. — Ты никогда не...

— Вот именно, никогда, — прервала она меня торжествующим тоном. — А теперь вот решила надеть.

— Но они, должно быть, стоят кучу денег. Ты потратила все, что у тебя было на карточке?

— Они такие удобные, — сказала Наоми, не обращая внимания на вопрос. — Словно созданы для меня. — Казалось, она не верила своему счастью.

— Но тебе нельзя в них выходить, дорогая. В этих туфлях ты выглядишь слишком экстравагантно.

— Ты это говоришь из зависти? Признайся. — На ее губах опять возникла та самая полуулыбка, какой я прежде не замечала. — Тебе тоже хочется иметь такие.

— Наоми...

— Но у тебя их нет, а у меня есть. Понимаешь, я в эти туфли влюбилась. Да, да, я люблю их теперь не меньше, чем Берти.

Произнося эти слова, она гладила пса по голове. Потом повернулась и, широко зевнув, медленно пошла наверх, постукивая каблуками, которые издавали резкий металлический звук, как маленькие молоточки.

Дочка ускользнула к себе, так и не ответив на мой вопрос, который остался висеть в теплом воздухе кухни.

Я налила себе в бокал вина из бутылки, начатой Тэдом. Это что же получается? Наоми прежде мне не дерзила и не уходила посреди разговора.

Я убрала в шкаф свою сумку и, потягивая вино, принялась ходить по кухне, поправляя висящие на крючках полотенца.

Обычно она рассказывала мне все.

Повесив наконец пальто, я ощутила, что алкоголь слегка прояснил сознание. Да, все так и должно быть. Странно, что меня это удивляет. Ведь я сама придумала такой порядок много лет назад. Я занимаюсь своей работой, которую люблю, и зарабатываю хорошие деньги, но дома времени провожу меньше, чем другие матери. Зато мои дети имеют полную свободу и растут самостоятельными. Именно это мы с Тэдом и считали крайне желательным.

Я достала из чулана картошку и быстро вымыла под краном несколько клубней.

Впрочем, если подумать, то она нормально не разговаривает дома уже несколько месяцев. Тэд считает, что причин для тревоги нет. Переходный возраст. Девочка вырастет.

От холодной воды заоченели руки. Я закрыла кран.

Вырастет и одновременно отдаляется? Этот вопрос молотком стучал в моей голове, пока я искала в ящике картофелечистку. Прошлым летом в моем врачебном кабинете побывала юная девушка, не старше шестнадцати, у которой нежная кожа на запястьях была испещрена множеством красных линий.

Я встряхнула головой, чтобы избавиться от неприятного воспоминания. Но с Наоми вроде бы все в порядке. Никакого намека на депрессию.

И эта ее новая улыбка все же лучше, чем 9

раздражительность. А то, что дома она не такая разговорчивая, как прежде, может быть связано с ее участием в спектакле школьного театра. Может, она размышляет над ролью. А может, над тем, какую выбрать профессию. В прошлом году она проходила летнюю практику в лаборатории Тэда. Ей понравилось. Если она решит заниматься медициной, то исполнение главной роли в школьном спектакле повысит ее шансы на поступление в институт. В приемной комиссии отдают предпочтение абитуриентам с широкими интересами. Такие успешнее осваивают профессию врача. Может быть, следует не переживать, а радоваться? Вот мне, например, преодолеть стресс от того, с чем сталкиваешься во врачебной практике, помогло увлечение живописью. Рисуя, я как бы перемещаюсь в другой мир, где нет переживаний и тревог. Мой мольберт с незаконченным портретом Наоми стоит наверху, в мансарде. К сожалению, в последнее время мне не так часто удается там скрываться.

Бросив картофельные очистки в мусорное ведро, я достала из холодильника сосиски. Тео любит их с картофельным пюре, с детства. А с Наоми я поговорю завтра.

Примерно через час позвонил Тэд и сказал, что задерживается в больнице. Потом заявили близнецы — очень голодные. Эд поднял руку в молчаливом приветствии и, наложив с верхом тарелку тостов, отправился к себе наверх. Было слышно, как он хлопнул дверью. Не сомневаюсь, что тут же была включена музыка и он плюхнулся на кровать с тостом в руке

и закрыл глаза. Я еще не забыла, каково это, когда тебе семнадцать. Иногда очень не хо-

чется, чтобы тебя тревожили, стучали в дверь и, что еще хуже, приставали с разговорами.

Тео, сверкая веснушками на бледном лице, выкрикнул что-то нечленораздельное и принялся поглощать тосты один за другим, быстро опустошая миску.

Наоми прошла к выходу через кухню. Влажные волосы свисали густыми прядями, закрывая шею. Пока она двигалась к двери, я поспешно затолкала ей в рюкзак сверток с сэндвичами, а потом несколько минут постояла в дверном проходе, глядя ей вслед. Школьный театр находился недалеко, на соседней улице, но Наоми вечно опаздывала. Она перестала бегать по утрам, всю энергию отнимал спектакль. Ни на что другое сил не оставалось.

«Пятнадцатилетняя Мария в исполнении Наоми Малколм выглядит не по годам зрелой». «Завораживающая игра Наоми делает Марию одновременно и невинной, и невероятно сексуальной. Мы присутствуем при рождении новой звезды».

Наверное, стоило переутомиться и немного понервничать ради подобных отзывов на форуме школьного сайта. Ей осталось сыграть еще два спектакля: сегодня и завтра, в пятницу. А потом все опять вернется в прежнее русло.

Дорсет, 2010

Год спустя

Сегодня пятница. Я это знаю, потому что к дому подъехала продавец рыбы, приземистая полная женщина. Это событие застает меня под лестницей, откуда я через мутное стекло входной

двери наблюдаю очертания белого автомобиля. Она нажимает кнопку звонка и ждет, чуть покачивая головой и поглядывая на окна. Пусть звонит, сегодня я ее надежд не оправдаю. Это исключено. Ведь, открыв дверь, мне придется улыбаться и произносить слова, на которые нет никаких сил.

Я стою, застыв в нелепой позе, следя за движениями ползущего по руке паучка, затем перевожу взгляд на пыльный ковер. Наконец фургончик с шумом отъезжает.

В этот день мне необходимо быть одной. Переждать, затаившись, пока он кончится. По пятницам рана кровоточит особенно болезненно.

Через некоторое время я захожу в гостиную и беру альбом для рисования, который оставила вчера вечером у камина. Переворачиваю страницу с рисунком ее тубель и на следующей вычерчиваю наплывающие друг на друга серебряные кольца.

Бристоль, 2009

Ночь исчезновения

На кухне я опустилась на колени рядом с открытой медицинской сумкой, сверяя лекарства по списку — сделать это на работе никогда не хватало времени, — и так увлеклась, что не заметила появления Наоми.

Она бы так и ушла, не окликнув меня, если бы не задела мое плечо сумкой. Я вскинула глаза, держа палец на том месте в списке, где значились парацетамол и петидин. Наоми рассеянно глянула вниз, явно занятая своими мысля-

ми. Она уже загримировалась для спектакля, но темные круги под глазами все равно были отчетливо видны. И вообще, она выглядела измученной. Так что сейчас был не самый подходящий момент спрашивать о том, что меня интересовало.

— Скоро все закончится, дорогая, — весело произнесла я. — Сегодня твой предпоследний спектакль.

Из полиэтиленовой сумки выглядывала одежда — возможно, это был ее сценический костюм. На покрытом линолеумом полу виднелись маленькие углубления, оставленные каблуками туфель.

— Завтра мы с папой придем посмотреть на тебя. — Я сидела на корточках и смотрела вверх, вглядываясь в ее лицо. С подведенными черным глазами Наоми казалась старше своих пятнадцати лет. — Очень хочется сравнить премьерный спектакль с последними.

Она посмотрела на меня пустыми глазами и улыбнулась — по-новому, приподняв лишь один угол рта, будто не мне, а своим мыслям.

— Во сколько ты собираешься вернуться? — спросила я, поднимаясь на ноги, так и не закончив проверку лекарств. — Сегодня ведь четверг. Папа обычно забирает тебя по четвергам.

— Я ему уже давным-давно сказала не беспокоиться насчет этого. Мне интереснее пройтись пешком с приятелями. — Она помолчала, затем добавила скучающим тоном: — Сегодня ужин закончится где-то в полночь. Но меня подвезет Шен.

— Почему так поздно? — Помимо воли я повысила голос: она уже сейчас выглядела усталой. — У тебя завтра последний спектакль, 13

и сразу после этого вы пойдете отмечать это событие. Можешь, конечно, поужинать с приятелями, но я жду тебя в половине одиннадцатого.

— Ничего не поздно, — фыркнула она, барабанила пальцами по столу. На свету поблескивало колечко, подаренное школьным приятелем. — Почему я должна уходить раньше остальных?

— Тогда в одиннадцать.

— Я уже не ребенок, — бросила она резким, злым тоном, который меня удивил. Никогда прежде дочка так со мной не разговаривала.

Преппираться времени не было. Ей нужно уходить, а мне закончить с лекарствами и начать готовить ужин.

— Ты должна быть дома в половине двенадцатого. И ни секундой позже.

Наоми пожала плечами. Затем, наклонившись к спящему у плиты Берти, нежно погладила его за ушами. Пес чуть пошевелился и пару раз ударил хвостом по полу.

Я тронула ее за руку:

— Он у нас старый, дорогая. А старики любят поспать.

Наоми отдернула руку как ужаленная.

— Все в порядке, успокойся, — продолжала я, вглядываясь в ее напряженное лицо. — В театре у тебя большой успех, не забывай об этом.

В ответ на мое быстрое объятие Наоми отвернулась.

— Остался всего один день.

Мелодично пискнул ее мобильный. Звонила

Никита. Дочь отошла поговорить, а я не-

ми пальцами с милыми маленькими веснушками, заканчивающимися у второй фаланги. Повинуясь невольному импульсу, я быстро приблизилась, взяла ее свободную кисть в свои ладони и поцеловала. Думаю, увлеченная разговором, Наоми этого даже не заметила.

Затем, убрав телефон, она повернулась и взмахнула у двери рукой:

— Пока, мам.

Ближе к полуночи я неожиданно заснула. Где-то около одиннадцати я включила чайник, чтобы согреть воды для грелки в постель Наоми, прилегла на диван и отключилась.

Когда я проснулась, шея у меня затекла, во рту был противный привкус. Я поднялась, одернула джемпер. Потрогала чайник — холодный. Посмотрела на часы и оторопела. Два часа ночи. Значит, она пришла... или нет? У меня защемило сердце. Так поздно она еще никогда не приходила. С полминуты я стояла, пытаюсь унять болезненную пульсацию крови в ушах, призывая себя мыслить здраво. Ну конечно, все в порядке. Она вошла в переднюю дверь и поднялась к себе. А я спала тут внизу на кухне и не слышала. Она, наверное, сняла туфли еще на веранде и, зная, что провинилась, на цыпочках прокралась мимо нашей спальни в свою комнату на третьем этаже.

Ожидая, когда вскипит чайник, я потянулась. Грелку в постель ей все же положить стоит. Сделаю это незаметно. Заверну во что-нибудь и суну под бок. Пусть девочка поспит в приятном тепле.

Я медленно поднялась вверх, минувшая комнаты мальчиков. Эд неожиданно